Александр Попадин: «Бывает, что шизофрения — культурное преимущество»

Многие российские города несут проблемы идентичности. Дореволюционный облик перекрыт советским, советский затягивается постсоветским. Образуется слоистая, прерывистая структура. Со своими смыслами и сюжетами в каждом слое. Но структурные нестыковки всплывают, например, при разработке городских стратегий. Конфликт визуальных отражений только фиксирует в сознании горожан нестыковку исторических укладов. В этом можно видеть симптом социальной шизофрении. А можно видеть ресурс, возникающий на стыке пластов. Калининград — вероятно, самый яркий и оригинальный пример такого конфликта. Основной разрыв датируется не 1917, а 1945 годом. Столица Восточной Пруссии стала советским областным центром. Изучить конфликт на выдающемся примере вдвойне интересно. Для этого мы привлекли ведущего культуролога города.

Как подключить к планированию города такие неожиданные ресурсы, как расщепленность сознания горожан и мужество думать о себе с улыбкой? Как наблюдательность и дедукцию — совместить с ощущенинем магии времени? Александр Попадин объясняет, каким образом удается вывести трезвые следствия для городского развития из таких, казалось бы, отвлеченных материй.

Не у Калининграда проблемы идентичности, а у калининградцев. Проблема находится, конечно, в голове. Но интересна она не как

повод посыпать голову пеплом, а как возможность поискать выход из нее.

Тут в чем проблема? У Калининграда папа — немец, а мама — русская, и родители не живут вместе. Их общий ребенок имеет свое ощущение гения места. Но очень затрудняется с его формулировкой. Это чувство создается самой архитектурой города. Архитектурная материя устроена так, чтобы будить сознание. Люди, не склонные к культурным рефлексиям, говорят: «Там, где я жил, мне нравилось, а стало не то». То, что они чувствуют, сегодня называют «качеством среды».

Ощущение, внушаемое архитектурой Калининграда, двойственно. В нём как будто «два» города: немецкий, который когда-то назывался «Кёнигсберг» — и советский, наслоившийся и отчасти подменивший его собой. Раздвоенность между ними, озабоченность их сравнением — специфическая культурная «шизофрения», свойственная калининградцам. Я бы сказал, что культурологически она представляет собой конкурентное преимущество. Отчетливость ощущения «качества среды» возникает в сравнении. Калинград дает для этой операции богатые возможности.

Лучше всего показать это на своем примере. Во-первых, я его лучше знаю, во-вторых, пропустив чувство через себя, можно искать его отпечатки у окружающих.

Мне повезло родиться на «Вагонке». Это относительно окраина, район улицы Радищева. Там я жил, там была моя школа. Немецкая вагонная фабрика в советское время стала заводом. А бывшая Realschule при заводе — пролетарской школой. Пять метров потолки, самая широкая лестница в городе, на выходе колонны и портик. Для меня это было естественно.

Пока в 4 классе нас не перевели в типовую советскую школу на время ремонта. Сравнение пространств началось с ЧП: бегая на перемене, я врезался головой в живот завучу. Был скандал, вызвали родителей. Но бегал на переменах я всегда. А так

неудачно – только в новом школьном здании… И вдруг я понял. В типовой советской школе коридоры – *узкие*. Это был первый сравнительный анализ. Разница доходчиво отобразилась в моем дневнике.

Так начались мои наблюдения за «вторым» Калининградом. Я был обитателем однокомнатной квартиры в хрущевке. Но это был «кентавр»: она стояла на немецком фундаменте, а сверху имела крышу с черепицей, снятой с немецких развалин. В гостях у одноклассников, живших в немецких домах, я смотрел, куда и как падает свет, насколько иначе распахиваются двери и окна, до чего же по-другому распланировано само жилье… Там я ощущал вокруг другой мир, в принципе другую вселенную.

Что такое район «Вагонки»? Это реализованный градостроительный шедевр. Ничего этого я в детстве не знал, но… что-то такое чувствовал. Директор вагоностроительного завода еще в германское время сделал при нем жилой поселок Ратсхоф. Поселок выстроен в концепции «город-сад», модной столетие назад. Растхоф – одна из немногих реализаций «города-сада» в Европе. Другой известный пример – под Берлином. В чём тут шедевр? Когда видишь удивительное разнообразие внутри единого архитектурного концепта, когда слышишь объяснения, почему и зачем все так устроено, начинаешь глубже воспринимать и понимать «другой» Калининград.

Если пройти оттуда еще метров 500 по виадуку – выходишь на берег реки. И видишь на другом берегу наш порт. Да это же Гамбург! Копенгаген! Любой портовый город Ганзы… Сразу на тебя набрасываются краски и запахи моря, жизнь доков и шпайхеров, везде большие корабли. И вот уже немецкое вылезает отовсюду. Кованная ограда, красивая, украшена листьями. Наши ее срезают и ставят бетонный забор. Думаешь: «Хм, а было лучше».

Как правило, в архитектурной конкуренции немецкое выигрывало у советского. Очевидно, что оно было красивее и комфортнее. Была ли в советское время дана директива скорее убрать все немецкое, или не было такой директивы – не знаю. Но целые

кирхи взрывали. Много что сносили, и логика в сносе была. Слишком слышным шепотом немецкое вопиет о себе как о загубленной Атлантиде.

Эволюционируя как «горожанин», я увидел город в перспективе сюжетов, связанных с его историей. Когда мы были с классом в Ленинграде, нас возили в Царское село. Ходишь по Царскому селу, и везде Пушкин! Как гончая, заранее делаешь стойку на Пушкина, настолько им все пропитано. Я вернулся в Калининград. И вдруг понял: а ведь здесь жили Гофман и Кант! Мыслитель искал Бога, критиковал разум, в прогулках по пригородам отражался в той же реке. Дух его до сих пор тут. И Гофман, или тень Гофмана, все еще где-то здесь. Он жил на Французской улице. В районе замка. И страшно не любил Кенигсберг. Дыра! — Гофман задыхался. — Захолустье… Город нанес ему личную травму. Но кенигсбергская рана сделала Гофмана — Гофманом.

В девяностые годы встал вопрос: «Советское мы отринули, а что взамен?». Это местная тема, она вылезла автоматически. Калининградцы смотрели на свой город как на уникальный. В Европе такое понимание городов — длительная традиция. Греческий полис понимал себя как отдельный субъект истории. Он мог включаться во внешние комбинации — союзы городов или имперские проекты. Но мыслил себя как особую точку, более устойчивую, чем переменные контексты.

Это прошло через средневековье, когда город был коммуной, а очертания государств — его подвижным контекстом. В царской России система земств вела к схожему пониманию жителями своего города. Но Советская власть все заместила собой, и земства, и религию, и разнообразие истории. В наследство мы получили подозрительность к любым разговорам об исторической субъектности города. Первый встречный вопрос: «Вы что, отделяться хотите?» Нет. Мы хотим иметь качественную среду и уметь работать с историческими контекстами.

Блокировка вопроса не снимет его с повестки. Мы все хотим нравиться, правильно? А для этого разбираемся с тем, кто мы и

чем мы можем нравиться. По крайней мере – себе. Расщепленное между культурными традициями сознание калининградцев – их дополнительное конкурентное преимущество. Кроме «советской» (унаследованной нами всеми), нас есть вторая, выигрышная идентичность. А внутреннее разнообразие – это ключевой фактор адаптации к большому миру.

Первая моя книга задумана была как социальная инженерия муниципального масштаба. Муниципальный масштаб у нас юридически отделен от государственного. Это можно понимать как приглашение подумать о себе самим. Мы и думаем. Город – это его жители в привычном ландшафте. Хочешь изменить город, измени жителей. А если они живут вне истории? Предстоит погружение в историю. Для этого не нужно глубоководных аппаратов. Достаточно глаз и воображения, чтобы включилась «магия времени». В ее атмосфере рождается городской миф.

В 90-е годы я обнаружил, что у Калининграда нет в нашем параллельном пространстве – в литературе. Не геоэкономическое описание имеется в виду – а двери исторических и художественных описаний, распахнутые в историю, все окна которой выходят на великие фантазии и утопии. Короче, я понял, что о Калининграде никто не пишет. Нужно написать художественное произведение, которое позволит калининградцу увидеть себя как калининградца. Пока этого нет, мы – «слепые пешеходы», не видящие ни города, ни себя в нем.

В 1998 году вышла моя первая книга «Местное время. Прогулки по Калининграду». Она произвела эффект рефлексивной бомбы. Люди вдруг увидели себя не советскими, не немецкими, а «своевременными». «Познай себя» – время и пространство заиграют волшебством. С появлением описания, принятого самими горожанами, начинается кристаллизация жителя города как особого типа горожанина.

Возникающее ощущение остается перевести в масштаб города. Когда человек – горожанин, у него появляется основание, на которое он может опереться, принимая решения. Или отклоняя

настойчивые рекомендации, которые в это основание не укладываются.

Надо сказать, калининградец за 20 лет, то есть с момента выхода моей книги, изменился. Я бы сказал, в сторону расслабленной европейскости. По общему ощущению, город стал немножко Ривьерой, такой российской Кубой.
Местом, куда можно приехать на отдых с вахты на Севере. Одновременно калининградец стал больше европейцем в нормальном, муниципальном смысле слова. Хорошо убирают улицы, понижают поребрики на переходах, ну и все прочее. Решётки ливнёвок вот сегодня отстаивают, которые хозяйственники хотели отправить на переплавку… Нормальное участие горожан в городской жизни.

Что может Калининград дать России? Выработанные нормы муниципального поведения. Горожан нужно выращивать, понимая, каких и каким образом. Появляясь, настоящие горожане не воюют с властью, а используют ее ресурсы на благо города. Здесь возможны конфликты. Не они не про саму власть, а про качество решений. Когда обсуждается городской мир, горожане начинают объединяться в общие проекты. Возникает общая точка зрения, с которой видно, что полезно для города, а что наоборот.

На страницах трёх книг с названием «Местное время», которые я написал, действует такой мета-персонаж, идеальный калининградец. Когда тот или иной мой знакомый делает что-то замечательное для города, я ему пишу: «Спасибо, Конрад Карлович!». Конрад Карлович – это метапозиция. Это такой добрый гений города. В момент своего действия этот человек был для города Конрадом Карловичем, «добрым феем». По форме это чистой воды рейтинг, но абсолютно неформальный и исключительно калининградский. Он рожден не предписанием, а свободно, симпатией и участием к своему городу.

Что значит в наших обстоятельствах быть свободным? На это хорошо ответил Кант: иметь мужество пользоваться собственным разумом. А чем больше им пользуешься, тем чаще на твоём лице

будет улыбка.